

УДК 130.2:2:141.13(47+57)

Семенюк**Антон Павлович,**

доктор философских наук,
доцент кафедры философии
с курсами культурологии,
биоэтики и отечественной
истории Сибирского госу-
дарственного медицинского
университета.

Россия, 634050, г. Томск,
Московский тракт, 2.

E-mail:

apsemenyuk76@gmail.com

**РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ
В ЗАЩИТУ ИДЕАЛИЗМА
RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY
IN DEFENSE OF IDEALISM**

А.П. Семенюк

A.P. Semenyuk

Сибирский государственный медицинский университет,
Россия

Siberian State Medical University, Russia

E-mail: apsemenyuk76@gmail.com

Актуальность обусловлена запросом в обществе на абсолютные ценности как фундаментальную потребность человека, которая не находит реализации в условиях господства «антиабсолютистских» (позитивизм, постмодернизм) тенденций в духовной культуре. Такая ситуация связана с кризисом и дискредитацией вневременных универсалий и констант духовной жизни европейской цивилизации (от Платона до Достоевского), которые можно суммировать в понятии «идеализм». Цель: показать, что идеалистическое мировоззрение не есть некоторая догматическая система взглядов, но неустранимый фактор в развитии не только европейской, но и мировой культуры в целом на примере опыта оправдания идеализма в работах русских религиозных философов. Методы исследования: аналитический, компаративный и герменевтический. Результатами исследования являются следующие аргументы в защиту идеализма, выявленные в текстах русских религиозных мыслителей (В.С. Соловьева, С.Н. Трубецкого, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского): 1. Тождество идеализма и философского мышления и невозможность последнего вне идеализма. 2. Неразрывность идеализма и религиозного чувства как стремления к Абсолюту. 3. Неустранимость криптометафизических, крипторелигиозных, криптофилософских убеждений из научного мышления. 4. Разрешение нравственных проблем возможно только в сфере метафизики и не подвластно научному познанию. 5. Ценность философии, равно как и метафизики, не в том, чтобы раскрывать сущность существующих вещей, а в том, чтобы предполагать, каким мир может быть. 6. Направленность познающего на познаваемое или одного сущего на другое выявляет не разрозненность различных существ, а их единство, что указывает на наличие идеальных отношений в бытии сущего.

Ключевые слова: идеализм, метафизика, русская религиозная философия, религия, этика.

The relevance of the paper is caused by the demand of society for absolute values, as a basic human need, which is not realized in the conditions of «anti-absolutism» (positivism, postmodernism) tendencies domination in spiritual culture. This situation is related to the crisis and discrediting of the European civilization timeless universals and the spiritual life constants (from Plato to Dostoevsky), which can be summarized in the concept of «idealism». The aim of the research is to show that the idealistic worldview is not some dogmatic system of views, but an irreconcilable factor in the development of not only European, but of the world as a whole, based on the experience of justifying idealism in the Russian religious philosophers works. Methods of research: analytical, comparative and hermeneutic. The results of the research are the following arguments in defense of idealism, revealed in the texts of Russian religious thinkers (V.S. Soloviev, S.N. Trubetskoy, S.N. Bulgakov, P.A. Florensky): 1. Identity of idealism and philosophical thinking and impossibility of the latter to be out of idealism. 2. The indivisibility of idealism and religious feeling as an aspiration for the absolute. 3. Irreducibility of crypto-metaphysical, crypto-religious, crypto-philosophical beliefs from scientific thinking. 4. Resolution of moral problems is possible only in the sphere of metaphysics and is not within the basis of scientific knowledge. 5. The value of philosophy, as well as of metaphysics, is not in revealing the essence of existing things, but in presuming what the world can be. 6. The directivity of the knower to the known or one being to another reveals not the fragmentation of different beings, but their unity, which indicates the presence of ideal relations in the existence of beings.

Key words: idealism, metaphysics, Russian religious philosophy, religion, ethics.

Вещи – изменчивы и преходящи. В мире нет материальной субстанции. Материя как объективная реальность и субстрат не существует. Есть лишь разум, продуцирующий идеи. Того, кто описывает мир, человека, любое сущее посредством подобных сентенций, мы называем «идеалистом». Эти фразы не воспринимаются всерьез в современной философии. Идеализм не рассматривается сегодня как привлекательная философская перспектива. Современная философия в своих наиболее тенденциозных проявлениях, отказываясь от притязаний на истину, рассматривает целостность и системность как признаки тоталитаризма («война целому» Ж. Делёза и Ф. Гваттари), видит в любой идеологии опасность новых утопий, отрицает вечные ценности и всеобщие закономерности и, как следствие, устраняется от выполнения исконной функции философии. Поскольку философия должна задавать мировоззренческую стратегию развития общества, а она эскапирует в деконструкции, критику, описания (в случае феноменологии), интерпретации (в случае постмодерна). Вместе с тем попытки реабилитировать идеализм имеют место в современном философском сообществе. Прибежищем для метафизических конструкций становится богословие и религиозная философия [1]. Оправдание идеалистического типа мышления являлась традиционной задачей русской религиозной мысли (славянофильство, метафизика всеединства, софиология). Уже на рубеже XIX–XX вв. идеализм становится анахронизмом. Идеалистическая философия с её аристократизмом, рафинированностью, пафосностью и непрактичностью выглядит неуместным излишеством в преддверии наступающего века утилитаризма, позитивизма, материализма, массовой культуры. В.С. Соловьев, братья С.Н. и Е.Н. Трубецкие, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков и некоторые другие, в целом оставаясь на идеалистических позициях, обвиняют немецкую идеалистическую философию в чрезмерной отвлеченности. Вместе с тем это не мешает С.Н. Трубецкому насмешливо замечать, что упреки метафизики в бесплодной отвлеченности со стороны позитивистов и материалистов банальны и нелепы, поскольку уже по самой своей природе метафизика есть умозрительная дисциплина [2]. И этот последний довод Трубецкого в полной мере согласуется со всем наследием русской религиозной философии, содержащим весьма богатую и убедительную аргументацию в защиту идеализма.

Аргументы русской религиозной философии в защиту идеализма:

1. Русская религиозная философия, по сути, утверждает тождество идеализма и философского мышления. Идеализм становится востребованным всякий раз, когда общество проявляет интерес к философским вопросам. «...Все философы суть метафизики по самой природе человеческой мысли» [3, 4]. И даже более того: *«Человеческий ум – прирожденный метафизик: это показывает его история, это показывает анализ его познавательных функций, поскольку в уме человеческом самое сущее определяется неизбежно как объективно мыслимое, т. е. как идея»* [2, 544]. *«Идеализм – в широком смысле слова – стихия философии, и, лишенная этого кислорода, философия задыхается, а затем увядает и гибнет»* [4, 286]. Конечно, эти заявления не означают, что русских мыслителей не интересовал вопрос о практическом значении философии. Пусть чистая философия и не служит средством для прикладных целей, но разве это не доказывает, что она является ценной сама по себе. Ее практическая функция заключается именно в том, что философия обнаруживает высшие и общие цели человеческого разума, ставит перед ним идеал целостного познания. В данном случае русская философия воплощает, по справедливому утверждению И.И. Евлампиева, гностическую познавательную установку как убежденность, что множественное сущее имеет сущность и что разум способен эту сущность постичь. «...Сформулированная черта русской философии является своеобразным преломлением той традиции в понимании человека,

которая идет от античного гностицизма» [5, 31]. Таким образом, в данном случае метафизика отнюдь не сводится только к спекуляциям по поводу сущности абсолютной реальности, но является способом приведения разрозненного, хаотичного сущего в осмысленное и целесообразное единство. *«Пусть она является наукой идеальной, – пишет о метафизике С.Н. Трубецкой, – именно поэтому практическое, направляющее действие ее было так велико и сказывалось не только в области знания, в области всех прочих реальных наук, но и во всех тех областях человеческого действия, которые определяются идеями, принципами, общими разумными началами»* [6, 233]. Тем самым целокупное человечество изображается здесь как трансцендентальный субъект («София», «Богочеловечество») в деятельности которого субстанциализируется высшее знание. Гностическая направленность русской мысли со всей очевидностью противопоставляет ее агностическому мировоззрению позитивизма.

2. Идеализм в равной степени присущ религиозному чувству. В основе всякого религиозного отношения к миру заложено стремление к Абсолюту, чему-то наиболее подлинному, реальнейшему. Предмет религиозного поклонения (святыня, священное) приобретает в метафизических построениях значение высшего смысла и высшего начала. Поскольку нерелигиозных людей нет, значит, нет людей, начисто лишенных идеала. С.Н. Булгаков приводит в связи с этим старинную мудрость Бен-Акибы: «Не то во что, а как мы верим, красит человека» [3, 5]. В основе человеческой природы заложено стремление к недостижимому совершенству, культивируемое в любой религии, в любом крипторелигиозном представлении. Только жизнь истинно религиозного человека от мелочей до самого возвышенного определяется идеалом. Наконец, проблема соотношения веры и познания входит в число важнейших вопросов метафизики (Фома Аквинский, Ф.Г. Якоби, И.Г. Фихте и др.). Потребность в идеалах так же неустранима из человеческого бытия, как и потребность в религии. По Флоренскому, современная цивилизация как особый тип организации человеческого сообщества зарождается в результате отделения утилитарной составляющей религиозного культа от его духовной основы. В этом о. Павел усматривает деградацию религиозной жизни. Как таковые техника и экономика являются квинтэссенцией высвобожденного в чистом виде утилитарного смысла религиозного культа. В этом секуляризованном обществе, *«...экономический прогресс происходит стихийно, сам собою, увлекаемый роковыми законами экономики, помимо замыслов и вне целей, ставимых мыслью. И стихийное движение это совершается мелкими изменениями, частично, оцупью, не по преднамеренно задуманным путям, но всякий раз случайно и, следовательно, делается не великими изобретателями, а массами, безлично и бездумно»* [7, 64].

3. О неизживаемости идеализма свидетельствует и то, что наука, обвиняющая идеалистов в обскурантизме, скрывает в себе криптометафизические, крипторелигиозные, криптофилософские убеждения. Позитивизм, эволюционизм, агностицизм пронизаны телеологическими представлениями. Источником этих представлений является религиозная вера, проведенная в науку «контрабандой». *«...Те немногие мыслители, которые в наши дни еще видят в метафизике серьезную задачу человеческой мысли, знают, сколько пренебрежения вызывает одно упоминание о ней, сколько невежественного недомыслия, сколько закоснелых предрассудков и недоразумений скрывается в возражениях множества из ее теперешних противников. Наиболее горячими, фанатическими из таких противников являются прежде всего скрытые метафизики, – метафизики бессознательные и потому наиболее наивные, односторонние и догматичные. Они исходят из одного или двух общих, отвлеченных представлений о сущем, например из представлений «материи» и «силы», из концепций «причинности», «отно-*

сительности» и т. д., не подозревая о равноправности других представлений, о логической мыслимости и относительной законности других идей и концепций» [2, 544]. Функции метафизики и религии в рамках научного познания, по Булгакову, выполняет теория прогресса, опирающаяся на идеалистические заблуждения – антропоцентризм (попытка представить человечество в качестве Абсолюта) и эвдемонизм (учение о всеобщем счастье). Эвдемонизмом пронизаны основополагающие принципы общества потребления, зачаточное состояние которого уже имел возможность наблюдать сам Булгаков. Уже тогда философия заговорила о возведении в абсолютную ценность потребительства, предполагая такую систему общества, в которой потребности и, следовательно, удовольствия, кладутся в основу хозяйственной деятельности. Флоренский со своей стороны пишет об идеологии просветительства («идеологизм»), которая вырождается в потребительство («экономизм»). *«Если идеологизм, господствовавший в век единодержавства оторванного теоретического разума, в век абсолютных монархий и террора, все сводил к великому, законодательствующему над жизнью, уединенному ratio, то экономический материализм, разлившийся в середине XIX века, среди спешно-уторопленного роста техники, но при пониженном до последней степени чувстве ценности и силы личности, при все растущем прибое безличных демократических масс, стремящемся слизать всякую, стоящую над ними личность, будь то император, первосвященник или пророк, – экономический материализм, говорю, напротив, все сводит к экономическим потребностям масс»* [7, 64].

4. Нравственные идеи уходят корнями в сферу метафизики и их разрешение средствами научного знания невозможно. По существу, идеализм и есть генеральная стратегия духовной жизни всего человечества. Неудивительно, что метафизические идеи, которые легитимируют систему ценностей, общественный и экономический уклад того типа сообщества, который формировался начиная с эпохи Просвещения (как симбиоза социалистических, капиталистических, материалистических, либеральных воззрений) обязаны своим появлением классическому идеализму (Декарт, Лейбниц, Кант, Гегель, Шеллинг, Фихте). К ним следует отнести идеи нравственной свободы воли, абсолютной ценности личности, идеальной природы человеческой души, способной к бесконечному развитию и совершенствованию, абсолютного разума, правящего миром и историей, объективного наличия добра в мире. В.С. Соловьев проводил жесткую зависимость этики и метафизики, с одной стороны, этики и религии – с другой. Как таковое наличие устремленности к добру в человеке, согласно Соловьеву, является свидетельством существования Абсолюта. Поэтому, в постановке Соловьева, вопрос о том, возможен ли идеализм – это вопрос о возможности осуществления нравственного идеала. Некоторые утверждения Соловьева до сих пор звучат актуально, находя отголосок в концепции прагматического идеализма Н. Решера. Последний подвергает критике аналитическую этику (мета-этику), указывая на то, что отказ от истинностного критерия ведет к моральному релятивизму. Решер указывает, что логический позитивизм в своем анализе нравственных суждений (правильно–неправильно; хорошо–плохо; честно–бесчестно) лишь описывают то, что люди называют правильным. Этика же, как наука о должном, основана на том, что является нравственным объективно, вне зависимости от наших высказываний. В этом бессилии в решении нравственных проблем он и усматривает наиболее уязвимое место аналитической философии. *«Логические позитивисты видели это достаточно ясно, но приходили к достаточно проблематичному выводу, что значимая область может быть обозначена просто как неподдающаяся рациональному объяснению существенных этических вопросов»* [8]. Аналогично и по Соловьеву, действительная сила нравственного начала может основываться исключи-

тельно на решении «вопроса о подлинном бытии истинного абсолютного порядка» и при условии, что «мы знаем, в чем состоит истинность вообще, то есть мы имеем критерий истины» [9].

«Утверждение высшей цели и нормы для нашей нравственной деятельности требует, как мы видели, истинного знания: чтобы должным образом осуществлять благо, необходимо знать истину; для того чтобы делать, что должно, надо знать, что есть» [9].

Решер утверждает, что есть веские основания для пересмотра той непримиримой позиции, которая занимала анти-абсолютистская философия по отношению к метафизическим построениями [10], и в этом свете, конечно же, поиски Абсолюта в русской религиозной философии получают неожиданно современное звучание. В.С. Соловьев и его последователи уже в свое время понимали невозможность решения этических проблем в рамках рационалистического дискурса.

5. Истинным назначением философии является не критика и интерпретация сами по себе, а созидание новых возможностей как проективная деятельность человеческого духа. Издавна философия деконструировала наши представления о реальности мира, показывая истинный порядок вещей. Но делала она это с целью не разоблачения наших иллюзий, а для того, чтобы показать, каким мир может быть. Поэтому ответы, которые дает метафизика вопрошающему разуму, ценны не своим соответствием фактам, а тем, что они могут углубить наши представления, о том каким может быть устройство мира, расширить пределы интеллектуального воображения. *«Если история мысли представляет нам ряд концепций сущего, ряд идей в их конкретном выражении или воплощении – в последовательности философских систем и учений, – то задача критической метафизики состоит в систематическом анализе основных концепций сущего как чисто мыслимых возможностей (или идей)».* *«На самом деле, как мы видели, всякая мысль условна, ибо всякая мысль заключает в себе предположение сущего, к которому она относится. <<...>> Метафизика может быть логичной и обоснованной только в этом самом общем, основном предположении всего мышления – в предположении конкретного сущего, к которому существенно относится мысль»* [2]. Философ имеет дело с мыслимыми возможностями и, конструируя идеальные объекты, переходит от модальности действительного к модальности возможного. В связи с этим С.Н. Трубецкой говорит о приоритете категорий модальностей перед другими категориями, поскольку именно они выражают общее отношение мысли к сущему. Категории возможности и действительности *«...могут быть приняты за основание всех прочих категорий: сущее, как возможное, тождественно с идеей, как действительное, оно есть отличная от нее реальность, как необходимое – оно выражает в себе тождество в различии»* [2]. Именно в модальности возможного сущее как идея, как объект мысли, как отвлеченное понятие приобретает значение подлинной действительности [2].

6. Наличие целостности и всеобщности в человеческом бытии как таких идеальных состояний подтверждается в учениях русских религиозных мыслителей благодаря раскрытию базовой дуальности идеального (термин В.Н. Сагатовского) [11]. Под дуальностью здесь подразумевается не конфликт и не раздельность двух различных начал, а двуединство субъекта и объекта, Я и Ты, мышления и бытия, которое возникает в ситуации глубинной направленности одного сущего на другое. Собственно, эта фундаментальная соотнесенность познающего и познаваемого, воспринимающего и воспринимаемого, всего со всем и задает то субстанциальное единство, которое мы называем идеальным бытием. *«Человек есть не просто двойственное, а двуединое существо: сосуществование и противоборство этих двух природ сочетается с некой их*

гармонией, с некоей интимной их слитностью, и это единство должно быть так же учтано, как и двойственность», – объясняет С.Л. Франк [12]. «Если сущее как таковое не может быть объектом нашей мысли, если оно немислимо, то все наше познание и мышление основываются на ложном предположении и в основе своей являются нелогичными. Если же оно может быть объектом мысли, то оно внутренне соотносится с ней, обосновывает ее, и в таком случае в самой мысли нашей мы находим проявление того единства субъекта и объекта, познающего и познаваемого, разума и бытия, которое должно быть понято нами как основание действительности. В сознании этого единства и заключается основание идеализма» [2]. Источником, продуцирующим идеальные формы бытия, согласно русской философии, является личностное начало как переживание своей уникальности, самодостаточности, отличности от всего сущего. Однако не человек привносит эти идеальные отношения в мир сущего, но, напротив, душа (сознание) человека представляется здесь как одно из проявлений неких идеальных процессов и сущностей, заключенных в самой природе, но вместе с тем имеющих надприродное происхождение. «Если мир как явление обусловлен сознающим субъектом, если связная закономерность, господствующая в нем, обусловлена логически, то стремление познать самое духовное начало, субъект, обуславливающий объективное существование, является необходимым. И такое познание естественнее всего искать не вне, а внутри нас, в глубине нашего духа. В нем мы сознаем свою соотносительность со всем сущим, которое здесь как бы перестает быть нам внешним, являясь имманентным нашему сознанию» [2].

Подводя итоги, необходимо повторить ту очевидную истину, что русская религиозная философия (не только в лице процитированных здесь авторов, но и других своих представителей) являлась преемницей идеалистических традиций платонизма, новоевропейского и немецкого идеализма. Соответственно, она разделяла, выражаясь словами А.Ф. Лосева, «трагическую судьбу» любого идеализма и должна была вновь пережить драму «немощи и падения божественного» [13], уже на своем опыте и в новом историческом контексте. В целом русская мысль столкнулась и с извечной проблемой идеалистического мировоззрения – невозможностью преодоления того фундаментального дуализма европейской мыслительной традиции, который впервые проявился с особой силой у Платона. Надеясь найти в христианской доктрине методологию для решения этой проблемы, русские философы обнаруживали и здесь признаки все того же дуализма – онтологического разрыва – только уже не между мышлением и бытием, а между телом и духом, тварной природой и Творцом. И в конечном итоге философское (логическое) решение проблемы они вынуждены были подменять архаической, холистической мифологией, которую использовал в тех же целях ещё сам Платон, а вслед за ним целый сонм великих идеалистов от Плотина до Шеллинга (об этом см.: [14, 15]). Однако означает ли это, что перспективы идеализма столь уж безнадежны? Думается, что аргументы русских философов, приведенные в данной статье, должны убеждать в обратном.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Idealism and Christian Theology: Idealism and Christianity / Eds. S.B. Cowan, J.S. Spiegel. – London: Bloomsbury Academic, 2016. – V. 1. – 257 p.
2. Трубецкой С.Н. Учение о логосе в его истории. – М.: АСТ; Харьков, Фолио, 2000. – 493 с.
3. Булгаков С.Н. Основные проблемы теории прогресса // Проблемы идеализма / под ред. П.И. Новгородцева. – М.: Московские психологические острова, 1902. – С. 1–7.
4. Флоренский П.А. Общечеловеческие корни идеализма // Богословский вестник. – 1909. – Т. 1. – № 2. – С. 284–297.

5. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX вв. В 2 т. Т. 1. – СПб.: Алетейя, 2000. – 413 с.
6. Трубецкой С.Н. Чему учит история философии // Проблемы идеализма / под ред. П.И. Новгородцева. – М.: Издание Московские психологические острова, 1902. – С. 216–235.
7. Флоренский П.А. Собрание сочинений. Философия культа (Философское наследие). – М.: Мысль, 2004. – 688 с.
8. Решер Н. Взлет и падение аналитической философии // Аналитическая философия: становление и развитие. – М.: Дом интеллектуальной книги: Прогресс-Традиция, 1998. – С. 454–465.
9. Соловьёв В.С. Сочинения в двух томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1988. – 823 с.
10. Rescher N. *Studies in Idealism. Collected Papers. V. III.* – Heusenstamm bei Frankfurt: Ontos Verlag, 2005. – 191 p.
11. Сагатовский В.Н. Бытие идеального. – СПб.: Петрополис, 2000. – 104 с.
12. Франк С.Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. – М.: АСТ, 2007. – 382 с.
13. Лосев А.Ф. Платоновский объективный идеализм и его трагическая судьба // Платон и его эпоха. К 2400-летию со дня рождения. – М.: Наука, 1979. – 317 с.
14. Семенюк А.П. Гносеологические концепции русской религиозной философии в контексте проблемы понимания. – Томск: ТМЛ-Пресс, 2012. – 247 с.
15. Семенюк А.П. Проблема понимания в русской религиозной философии XIX – начала XX веков: дис. ... д-ра философ. наук. – Томск: Изд-во ТГУ, 2015. – 287 с.

REFERENCES

1. *Idealism and Christian Theology: Idealism and Christianity.* Eds. S.B. Cowan, J.S. Spiegel. London, Bloomsbury Academic, 2016. Vol. 1, 257 p.
2. Trubetskoy S.N. *Uchenie o logose v ego istorii* [The doctrine of the Logos in its history]. Moscow, AST Publ.; Kharkov, Folio Publ., 2000. 493 p.
3. Bulgakov S.N. *Osnovnye problemy teorii progressa* [The main problems of the theory of progress]. *Problemy idealizma.* Ed by P.I. Novgorodtsev. Moscow, Moskovskie psichologicheskie ostrova Publ., 1902, pp. 1–47.
4. Florenskiy P.A. *Universalnye chelovecheskie korni idealizma* [Universal roots of idealism]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1909, vol. 1, no. 2, pp. 284–297.
5. Evlampiev I.I. *Istoriya russkoy metafiziki v XIX–XX vv.* [The history of Russian metaphysics in the XIX–XX centuries]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2000, Vol. 1, 413 p.
6. Trubetskoy S. *Chemu uchit istoriya filosofii?* [What does the history of philosophy teach?]. *Problemy idealizma.* Ed. by P.I. Novgorodtsev. Moscow, Moskovskie psichologicheskie ostrova Publ., 1902. pp. 216–235.
7. Florenskiy P.A. *Sobranie sochineniy. Filosofiya kulta (Filosofskoye nasledie)* [Collected works. Philosophy of the cult (Philosophical heritage)]. Moscow, Mysl Publ., 2004. 688 p.
8. Resher N. *Vzlet i padeniye analiticheskoy filosofii* [The rise and fall of analytical philosophy]. *Analiticheskaya filosofiya: stanovleniye i razvitiye.* Moscow, Dom intellektualnoy knigi Publ.; Progress-Traditsiya Publ., 1998. pp. 454–465.
9. Solovov V.S. *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two volumes]. Moscow, Mysl Publ., 1988. Vol. 1, 823 p.
10. Rescher N. *Studies in Idealism. Collected Papers.* Vol. III. Heusenstamm bei Frankfurt, Ontos Verlag, 2005. 191 p.
11. Sagatovskiy V.N. *Bytie idealnogo* [The Genesis of the Ideal]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2000. 104 p.
12. Frank S.L. *Realnost i chelovek. Metafizika chelovecheskogo bytiya* [Reality and man. Metaphysics of human existence]. Moscow, AST Publ., 2007. 382 p.
13. Losev A.F. *Platonovskiy obyektivnyy idealizm i ego tragicheskaya sudba* [Platonic objective idealism and its tragic fate]. *Platon i yego epokha. K 2400-letiyu so dnya rozhdeniya.* Moscow, Nauka Publ., 1979. 317 p.
14. Semenyuk A.P. *Gnoseologicheskie kontseptsii russkoy religioznoy filosofii v kontekste ponimaniya* [Gnoseological concepts of Russian religious philosophy in the context of the problem of understanding]. Tomsk, TML-Press Publ., 2012. 247 p.
15. Semenyuk A.P. *Problema ponimaniya v russkoy religioznoy filosofii XIX – nachala XX vekov.* Dis. Dokt. nauk [The problem of understanding in Russian religious philosophy of the XIX – early XX centuries. Dr. Diss.]. Tomsk, 2015. 287 p.

Дата поступления 20.08.2017 г.